



**Константин Михайлович Станюкович**  
**Смотр**  
Серия ««Морские рассказы»»

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=136546](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136546)*

*К.М.Станюкович. «Морские рассказы»: Издательство  
«Художественная литература»; Москва; 1986*

*ISBN OCR & amp; SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 6 апреля  
2002 года*

# Содержание

I	4
II	12
III	19
IV	23
V	30
VI	36

# Константин Михайлович Станюкович Смотр Морской рассказ (Из далекого прошлого)

## I

За несколько лет до Крымской войны на севастопольском рейде, словно замлевшем в мертвом штиле, стояла щегольская эскадра парусного Черноморского флота.

Палящая жара начинала спадать. Августовский день догорал.

На полуюте флагманского трехдечного корабля «Султан Махмуд» под адмиральским флагом, повисшим на фор-брам-стеннге, маленький молодой сигнальщик Ткаченко не спускал подзорной трубы с Графской пристани, у которой дожидалась белая адмиральская гичка.

Адмирал приказал ей быть к семи часам, и время

приближалось.

И как только на судах эскадры колокола пробили шесть склянок, в колоннаде пристани показался высокий, слегка сутуловатый, плотный адмирал Воротынцев, крепкий и необыкновенно моложавый для своих пятидесяти семи лет, которые он называл «средним возрастом».

Он глядел молодцом в сюртуке с эполетами, с «Владимиром» на шее и Георгиевским крестом в петлице. Из-под черного шейного платка белели маленькие брыжи сорочки – «лиसेля», как называли черноморские моряки, носившие их, отступая от формы, даже и в николаевские времена.

Быстрой, легкой походкой, перескакивая через две ступеньки лестницы, с легкостью мичмана, адмирал спускался к гичке.

Офицеры, встречавшиеся с адмиралом, кланялись, снимая фуражки. Снимал фуражку, отдавая поклон, и адмирал. Матросам, остававшимся с фуражками в руках, говорил:

– Зря не торчи, матрос. Проходи!

Сигнальщик с флагманского корабля увидел адмирала, со всех ног шархнул к вахтенному лейтенанту Адрианову и несколько взволнованно и громко воскликнул:

– Адмирал, ваше благородие!

– Где?

– Идет к гичке, ваше благородие!

– Доложи, как отвалит.

– Есть, ваше благородие!..

И через минуту крикнул:

– Отваливают, ваше благородие!

– Оповести капитана и офицеров.

– Есть! – ответил сигнальщик и побежал с полюта.

Щеголяя своим сипловатым баском, лейтенант крикнул:

– Фалрепные, караул и музыка наверх, адмирала встречать!

Старый боцман Кряква засвистал и закончил команду руладой артистического сквернословия.

Здоровые на подбор гребцы на гичке наваливались изо всех сил, откидываясь совсем назад, чтобы сильнее сделать гребки, и минут через десять гичка с разбега зашабашила и, удержанная крюком, остановилась как раз кормой к середине решетчатой доски трапа.

– По чарке, молодцы! – отрывисто бросил адмирал, выскакивая из шлюпки.

И, видимо, довольный своими гребцами, сдобрил свои слова кратким комплиментом в виде своеобразного морского приветствия.

– Ради стараться, ваше превосходительство! – от-

ветил загребной от имени всех красных, вспотевших и тяжело дышавших гребцов.

Адмирал не поднялся, а взбежал с маху мимо фалрепных, по двое стоявших у фалрепов на поворотах коленчатого высокого парадного трапа, и у входа был встречен капитаном и вахтенным начальником. Офицеры стояли во фронте на шканцах. По другой стороне караул отдавал честь, держа ружья «на караул». Хор музыкантов играл любимый тогда во флоте венгерский марш в честь Кошута.

И, словно бы избегая этих парадных встреч, отметить которые было неудобно, адмирал, раскланиваясь, торопливо скрылся под полуют, в свое просторное адмиральское помещение.

В большой светлой каюте, служившей приемной и столовой, с проходившей посредине бизань-мачтой, с балконом вокруг кормы и убранной хорошо, но далеко без кричащей роскоши адмиральских кают на современных судах, адмирала встретил вестовой, носящий странную фамилию Суслика, пожилой, рябоватый и серьезный матрос, с медной серьгой в оттопыренном ухе, в матросской форменной рубахе и босой.

Жил он безотлучно вестовым у Воротынцева лет пятнадцать. Но денег у Суслика не было, и он не пользовался своим положением адмиральского любимца вестового и пьянствовал на берегу с матросами, а с

«баковыми аристократами» не водил компании.

– Снасть с меня убрать и трубку, Суслик! – не говорил, а кричал адмирал по привычке моряков, командовавших на палубе.

И он нетерпеливо расстегнул и сбросил сюртук, пойманный на лету вестовым, снял орден и размотал шейный черный платок.

В минуту Суслик снял с больших ног адмирала сапоги, подал мягкие башмаки и старенький люстриновый «походный» сюртук с золотыми «кондриками» для эполет. И тотчас же принес длинный чубук с янтарем, подал адмиралу и приложил горящий фитиль к трубке.

– Ловко... Отлично! – произнес адмирал сквозь белые, крепкие, все до одного зубы, закуривая трубку.

Он почувствовал себя «дома» в каюте, без «снасти» удовлетворенно довольным и, развалившись с протянутыми ногами в большом плетеном кресле у стола, с наслаждением затягивался из трубки крепким и вкусным сухумским табаком по рублю за око<sup>1</sup>, и по временам насмешливая улыбка светилась в его маленьких острых глазах.

Вестовой хотел было уйти, как адмирал сказал:

– Подожди, Суслик!

– Есть! – ответил Суслик и притулился у двери в

---

<sup>1</sup> Три фунта.(Примеч. автора.)



спальную.

Адмирал молчал, покуривая трубку.

– «А то гаванскую сигару, адмирал?» – вдруг проговорил он, стараясь изменить и смягчить свой резкий голос, несколько гнусаая и протягивая слова, словно передразнивал кого-то.

Адмирал усмехнулся и уже продолжал своим голосом в добродушно-ироническом тоне:

– И марсалы не подавали за обедом у его светлости князя Собакина... Да-с... Высокая государственная особа-с приехала в наш Севастополь... Первый аристократ-с... Разговор на дипломатии... Одна деликатность... Гляди, мол, моряки, какие вы грубые и необразованные... И все го-сотерны, го-лафиты... А шампанское после супа пошло... А после пирожного тут же рот полощи... Аглицкая мода... Плюй при публице, а громко сказать неприлично-с... Понял, Суслик?

– Точно так, Максим Иванович.

– Таких не видал, Суслик?

– Не доводилось, Максим Иванович.

– Завтра покажу. Его светлость и дочка его приедут посмотреть корабль, и мы дадим завтракать... Да чтобы ты был у меня в полном параде... Понял?

– Есть!

– Чтобы чистая рубаха... Побрейся и обуйся. Нель-

зя босому подавать важной даме. Скажут: грубая мат-розня! – не без иронии вставил адмирал и прибавил: – Да смотри, идол, рукой не сморкайся...

– Не оконфузю, Максим Иваныч! – уверенно и не без горделивости ответил Суслик.

И в черноволосой, коротко остриженной его голове промелькнула мысль:

«Ты-то не оконфузь своим языком!»

– Ты у меня вестовщина с башкой! То-то черти играли в свайку на твоей чертовой роже.

– Небось по своему матросскому рассудку могу об-мозговать и марсалу завтра подам к столу, дарма что по-столичному не подают...

Адмирал засмеялся.

– Сметлив ты, Суслик, когда трезвый! – произнес он.

– Я только отпущенный вами на берег занимаюсь вином... И редко! – угрюмо и сердито промолвил вестовой, хорошо зная, как основательно он «занимается» во время редких отлучек на берег и какие бывали с ним разделки от адмирала, когда он, случалось, очень «намарсаливался».

– Ты, Суслик, не вороти рожи... Я к слову...

– Так прикажете принести графин марсалы, Максим Иваныч?

– Молодчина! Догадался, башка, попотчевать ад-

мирала. Давай да попроси капитана.

Вестовой принес графин марсалы и две большие рюмки, поставил на стол и пошел за капитаном.

Адмирал налил рюмку, быстро выпил рюмки три и четвертую начал уже отхлебывать большими глотками, с удовольствием смакуя любимое им вино.

## II

Осторожно и вкрадчиво, словно кот, вошел в адмиральскую каюту капитан, пожилой, толстый, круглый и сытый брюнет с изрядным брюшком, выдающимся из-под застегнутого сюртука с штаб-офицерскими эполетами капитана первого ранга, с волосатыми пухлыми руками и густыми усами.

Его смуглое, отливавшее резким густым румянцем, с крупным горбатым носом и с большими, умильными, выпуклыми черными глазами с поволокой лицо выдавало за типичного южанина.

Несмотря на необыкновенно ласковое и даже слащавое выражение этого лица, в нем было что-то фальшивое. Капитана не терпели и прозвали на баке «живодером греком».

Капитан, впрочем, называл себя русским и считал более удобным переделать свою греческую фамилию Дмитраки на Дмитрова и испросил об этом разрешение.

– Что прикажете, ваше превосходительство? – спросил, приближаясь к адмиралу, капитан почтительно высоким мягким тенорком и впился в адмирала своими полными восторженной преданности «коварными маслинами», как называли его глаза мичма-

ны. Но прежде капитан предусмотрительно взглянул на графин – много ли уровень марсалы понизился.

– И что это вы, Христофор Константинович, словно ученый кот, меня прельстить хотите... Я хоть и превосходительство, а Максим Иванович. Кажется, знаете-с? – насмешливо и раздражительно выпалил адмирал. – Присядьте... Хотите марсалы? – прибавил он любезнее.

По-видимому, капитан несколько не обиделся насмешкой адмирала. Напротив, приятно улыбнулся, словно бы остроумие адмирала ему понравилось.

«Лишняя лесть не мешает, как и лишняя ложка масла в каше», – подумал «грек», никогда не показывавший неудовольствия на начальство.

И капитан, присаживаясь на стул, тем же льстивым тоном проговорил:

– Премного благодарен, Максим Иванович... А что назвал по титулу – извините-с, Максим Иванович... По привычке-с... Прежний адмирал не любил, чтобы его называли по имени и отчеству...

– А я не люблю, когда меня титулуют-с... И не благодарите-с. Хотите или нет-с марсалы?

– Выпью-с рюмку, Максим Иванович... Отличное вино...

– Наливайте... Вино натуральное... – И, отхлебнув марсалы, прибавил: – Завтра у нас смотр, Христофор

Константиныч.

Капитан изумился.

– Главный командир? – испуганно спросил он.

– Эка вы, Христофор Константиныч! Приезжай главный командир в Севастополь, давно бы у вас дрожали поджилки... К нам приедет в одиннадцать часов князь Собакин... Катер послать с мичманом!

– Его светлость?! – с каким-то сладострастием в голосе воскликнул облегченно капитан... – Почему его светлость пожелал осчастливить нас?

– А так-с. Взял да осчастливил!.. Захотел посмотреть и с дочерью... Она пожелала... И насчет этого князь в некотором роде-с стеснился... После обеда... Обед ничего, только марсалы не подавали-с... Отвел меня к окну и тихонько спрашивает: «Только удобно ли дочери, адмирал?»

– В каком это смысле, Максим Иваныч?

– Не сообразили, Христофор Константиныч? А еще командир корабля!.. – насмешливо спросил адмирал.

– Не могу сообразить, Максим Иваныч...

– Поймете, как узнаете, что думает князь... А мне досадно, что этот брандахлыст, будь ты хоть разминистр и развельможа, боится везти замужнюю дочь на русский военный корабль. Аристократка, – скажите пожалуйста!.. Я спрашиваю, будто не догадываюсь: «Почему-с сомневается ваша светлость?» А он улы-

бается по-придворному – черт его знает как понять! – и наконец с самой утонченной любезностью прогнусавил: «Я слышал, милый адмирал, что на кораблях в ходу такой морской жаргон, что женщина сконфузится... Так не лучше ли не брать графиню?» Поняли, Христофор Константиныч?

– Какое мнение у его светлости о флоте, Максим Иваныч! – с чувством прискорбья промолвил капитан.

– Дурацкое мнение-с!.. – выкрикнул адмирал, обрывая капитана. – Екатерина небось не обиделась, когда адмирал Свиридов, рассказывая ей о победе, увлекся, стал «загибать» и, спохватившись, ахнул... Она была умная и ласково сказала: «Не стесняйтесь, адмирал. Я, говорит, морских терминов не понимаю!..» А ведь на смотре мы барыньке о сражениях рассказывать не будем... Да хоть бы услышала с бака «морской термин»... Эка беда!.. Не слыхала, что ли, на улице, будь и графиня!.. Ваш, Христофор Константиныч, князь, – почему-то назвал адмирал князя капитанским, – не очень-то умен... Ты посмотри, и увидишь, сконфузим ли мы даму, если захотим! И я дал слово, что не сконфузим. Поняли?..

– Есть!

– Чтобы завтра во время смотра ни одного «морского термина», Христофор Константиныч! – строго проговорил адмирал.

– Слушаю-с...

– Положим, на баке хоть топор повесь – так ругаются, особенно боцманы и унтер-офицеры... Но пусть хоть при даме воздержатся...

– Не посмеют, Максим Иваныч, – с какой-то внушительною загадочностью по-прежнему ласково проговорил капитан.

– И офицеры чтобы придержали языки... Ни одной команды не могут кончить без прибавлений... Так побольше, знаете ли, характера... На час, не больше...

– Помилуйте-с, Максим Иваныч.

– Что-с?

– Да уже одно посещение таких высокопоставленных особ, как его светлость и ее сиятельство графиня, обрадует господ офицеров и заставит их быть на высоте положения! – не без «лирики» проговорил капитан.

– Что вы вздор городите-с! – резко оборвал Максим Иваныч. – Что-с? Какая там радость и высота положения... лакейство-с!.. Это брехня на офицеров... Что-с? – выкрикивал, точно спрашивал, взбешенный адмирал, хотя капитан не думал возражать. – И вы ничего не говорите офицерам... Поняли-с?

– Понял, ваше превосходительство!

– Я сам им скажу, что адмирал не хотел бы видеть подтверждения глупостей князя и дамы в обмо-



роке от... от «морских терминов», что ли... Одним словом... Я попрошу офицеров, и они воздержатся... Слышали-с?

– Слушаю, ваше превосходительство.

– А больше вас не задерживаю, можете идти-с!

Капитан вышел, улепетывая, как вежливый, боязливый кот от оскалившей зубы собаки.

«Подлинно собака!» – с ненавистью подумал капитан.

Адмирал, покрасневшийся и от возмущенного чувства, и от многих рюмок марсалы, сердито проговорил:

– Экая подлая лакейская душа! Думаешь, и ко мне в душу влезешь? Дудки, лукавый грек!

Адмирал раздраженно выпил рюмку марсалы и крикнул:

– Суслик!

– Есть, – ответил прибежавший вестовой.

– Марсалы на донышке, а ты не видишь?.. А?

– Не будет ли вреды, Максим Иванович? – заботливо и осторожно промолвил Суслик.

– Молчи, чертова свайка! На ночь вредно? Какой-нибудь графинчик... да еще и «грекос» пил! – приврал вестовому адмирал. – Давно не учил тебя, гувернера, идола, что ли? Да живо!.. И трубку!

Вестовой исчез и вернулся с трубкой и с графином

марсалы, но наполненным до половины только.



Капитан призвал к себе старшего офицера, Николая Васильевича Курчавого, рассказал о счастье, которое выпало «Султан Махмуду», и обычным своим ласковым тоном продолжал:

– Так уж вы присмотрите, дорогой Николай Васильич, чтобы смотр как следует... Чтобы паруса горели... при постановке и уборке... Орудия чтобы летали... И чтобы ни соринки нигде... одним словом... идеальная чистота...

– Все будет исправно, Христофор Константиныч! – нетерпеливо проговорил старший офицер.

«Чего размазывать, коварный грек!» – подумал этот блестящий морской офицер и любимец сева­сто­поль­ских дам, молодой, красивый и щеголеватый капитан-лейтенант.

И его жизнерадостное, веселое лицо вдруг стало напряженным и подавленным.

– Уж я знаю, дорогой Николай Васильич, что с таким превосходным старшим офицером командир спо­коен... Я так только, для очистки совести напомнил...

– Так позвольте идти, Христофор Константиныч?..

– Я не задержу вас, Николай Васильич... Куда торопитесь?.. Или собираетесь на берег... на бульвар?..

– Какой бульвар?.. Работы много... Да и смотр завтра.

– Я так и полагал, что вы не уйдете с корабля, Николай Васильич, хоть вы и жданный кавалер наших дам, – сказал капитан, словно бы сочувственно глядя на своего старшего офицера, имевшего репутацию ловкого «обольстителя». – Наверное, вас ждут на бульваре! – прибавил капитан и плутовски прищурил глаз.

– Никто меня не ждет, Христофор Константиныч! – небрежно бросил Курчавый.

И про себя улыбнулся, как вспомнил, что супруга пожилого капитана, молодая красавица «гречанка», наверно, сегодня на бульваре и позволила бы ему заговаривать ей зубы.

«А эта ревнивая скотина и не догадывается!» – мысленно проговорил старший офицер.

– Ну-с, от поэзии перейдем к прозе-с, Николай Васильич.

– Что прикажете?

– Не приказываю, а прошу-с объявить, что если завтра я услышу во время пребывания высоких гостей хоть одно ругательное слово, то всех боцманов и унтер-офицеров перепорю-с, дорогой Николай Васильич, по-настоящему, без снисхождения. А кто-нибудь из них или из других нижних чинов выругается

площадным словом, с того спушу шкуру, пусть в госпитале отлежится. И пожалуйста, внушите им, что пощады не будет! – тихо и ласково, словно бы речь шла о каком-нибудь удовольствии, проговорил капитан.

Он еще был первую кампанию на «Султан Махмуде» и стеснялся адмирала. Но изысканная жестокость «грека» была известна во флоте.

Подобная угроза, перед исполнением которой он не затруднился бы, изумила даже и в те жестокие времена во флоте.

И старший офицер, далеко не отличавшийся гуманностью и, как все, считавший лучшей воспитательной мерой телесные наказания матросов и «чистку зубов», был возмущен «жестоким греком».

Но, сдерживаемый морской дисциплиной, скрывая волнение, он официально-сухим тоном проговорил:

– Приказание ваше передам, но внушать основательность жестокого наказания всех за одного и притом за ругань, которая до сих пор не считалась даже проступком и никогда не наказывалась, не считаю возможным по долгу службы. И, пожалуй, наказанные заявят претензию адмиралу. Адмирал – справедливый человек.

«Грек» струсил.

– Адмирал же приказал, чтобы ни одного ругательства. Он обещал его светлости, что дочери можно

приехать. И как же иначе поддержать честь флота, Николай Васильич? Но если вы можете заставить боцманов не ругаться завтра без страха взысканий, то я ничего не имею... Я не жестокий командир, каким меня расславили... Поверьте, Николай Васильич! – необыкновенно грустным тоном прибавил капитан.

И даже «маслины» его будто опечалились.

– Будьте покойны, Христофор Константиныч. Меня послушают.

– Тогда вы маг и волшебник! И как я счастлив, что имею такого старшего офицера, уважаемый Николай Васильич. Всегда говорите мне правду. Не стесняйтесь. Я люблю правду!

«И как прелестная „гречанка“ выносит этого подлого „грека“!» – внезапно подумал Курчавый.

Он вышел из каюты оживившийся, повеселевший и довольный и оттого, что капитан, испугавшись претензии и адмирала, отменил свое нелепое, неслыханное по жестокости приказание, и оттого, что это «лживое животное», наверное, скоро будет рогатым.

«Не беспокойся, „грек“. Я не буду „зевать на бра-сах“!»

## IV

Старший офицер собрал на баке всех боцманов, унтер-офицеров и старшин и, войдя в тесный кружок, проговорил:

– Слушайте, ребята! Завтра у нас смотр. Приедет петербургский генерал и с ним дочь, молодая графиня... И такой моды, братцы, что не может услышать бранного слова... Сейчас испугается и... в слезы! – проговорил, смеясь, Курчавый.

В кучке раздался смех.

– Не видала, значит, матросов, вашескобродие! – заметил один из боцманов.

– Жар-птица объявилась!.. – проговорил какой-то унтер-офицер.

– Пужливая, видно, генеральская дочь, вашескобродие! – насмешливо сказал кто-то.

– То-то и есть, братцы! – заговорил старший офицер. – И генерал опасается... Думает, как на корабль приедет, то тут и срам дочке от вашей ругани... Боцмана, мол, не могут даже при даме побережться... Беспардонные черти!

«Беспардонные черти» добродушно улыбались.

– Однако наш адмирал защитил вас, ребята, перед важным генералом... Привозите, мол, ваша свет-

лость, боцмана не оконфузят!

– Небось доверил, молодца адмирал... Не оконфузим, вашескобродие... Постараемся! – раздались горячие голоса.

– Так завтра, во время смотра, ни одного боцманского слова, братцы! Я уверен, что мы покажем себя! – с подкупающей, вызывающей веселостью проговорил статный и привлекательный Курчавый.

И почему-то он в эту минуту вспомнил, как сильно и благодарно-трогательно ценили эти люди, обреченные на жестокую флотскую муштру, даже небольшое человеческое отношение начальства и как много они прощали человеку только за то, что он считал и матроса человеком.

Вспомнил Курчавый, как берегли его, тогда мичмана, матросы во время ледяного шторма, вспомнил в эти секунды многое, и вдруг этот блестящий офицер сильнее почувствовал, как близки ему матросы, и в его голове пролетела мысль, что они точно к чему-то его обязывают и что, собственно говоря, и ему можно было бы поменьше драть и бить матросов.

Польщенные доверием адмирала и старшего офицера, которого давно на баке звали «козырным» за его морскую лихость и любили за открытый добрый характер, – все, проникнутые добрыми и горделивыми намерениями показать себя и не оконфузить, дали



старшему офицеру обещание.

– Взгляни ты на самую приезжую графиню вроде быдто как на кварту водки – язык и при тебе, вашескобродие! – промолвил, словно бы подбадривая себя, один из унтер-офицеров, торопливо обещавший, что на смотре он «ни гугу».

Только старший боцман Кряква раздумчиво молчал.

Это был сухощавый и крепкий старый человек, со скорюченными корявыми пальцами левой руки, давно сильно помятой высученным марса-фалом, и слегка искривленными цепкими, жилистыми босыми ногами, со спокойно-лихой посадкой небольшой ладной фигуры настоящего «морского волка», выдавшего всякие виды.

Перешибленный сизоватый нос и отсутствие нескольких передних зубов, следы тяжелых карающих рук, разумеется, не украшали загорелого, красного и грубого бритого лица, с короткою щетинкой седых усов и с плешинами на черных клочковатых бровях, под которыми светились умные, зоркие, слегка иронические темные глаза. Все повреждения лица имели, впрочем, свою жестокую историю, о которой Карп Тимофеич Кряква и рассказывал кому-нибудь из матросов, но только на берегу и когда, после бесчисленных шкаликов, был еще в словоохотливом периоде воспо-

минаний, во время которых начальству икалось.

Первый ругатель-художник на эскадре, творчество которого было для черноморских моряков классическим образцом сквернословия, он, видимо, сомневался в исполнении сослуживцами легкомысленно принятого на себя обязательства и добросовестно не решился давать зарок хотя бы на время смотра.

– Надо стараться, вашескобродие! – сказал, наконец, боцман поощрительным тоном. – Разве только, ежели не стерпеть, хучь тишком, чтобы барышня не умерла с перепугу, Николай Васильич! – предложил Кряква, словно бы устраивающий обе стороны компромисс. – Она, видно, щуплая и пужливая, ровно как борзая сучонка, вашескобродие... Так она не услышит, ежели тишком...

Все засмеялись.

Засмеялся и старший офицер и сказал:

– От твоей выдумки барынька умереть, пожалуй, и не умрет, а в обморок, чего доброго, и упадет... А голос-то у тебя... сам знаешь, такой, что и тишком на юте слышно... Так уж ты, Кряква, постарайся, поддержи.

– Разве подлец я, что ли, чтобы избидеть барышню, вашескобродие! И оконфузить наш «Султан Махмуд» перед князем, и обезнадежить адмирала и вашескобродие никак не согласно... Во всю мочь буду

стараться, но только от зарока освободите, Николай Васильич, чтобы совесть не зазрела.

– Ну, ладно... ладно... Спасибо, Кряква... И уж если не сможешь, так заткни рот рукой и себя облегчи про себя... Так завтра, братцы, чтобы все было в исправке, – прибавил старший офицер и вышел из кружка.

– Как есть «kozyрный», – сказал один унтер-офицер после ухода Курчавого.

– «Козырный» и есть! – раздались голоса.

Кучка разошлась.

Каждый унтер-офицер внашал своим подчиненным матросам приказ адмирала и старшего офицера, чтобы во время смотра все было по-хорошему... благо-родно.

И, разумеется, унтер-офицер уже от себя прибавлял к этому обещание форменно «начистить рожу» того «сучьего матроса», который «оконфузит» адми-рала.

– А еще какая шлиховка будет от капитана, ежели узнает... Только держись, ежели как сам будет счита-ть удары. Он, видишь небось, какая «греческая Ма-зепа»! – в заключение прибавлял для острастки ун-тер-офицер.

Затем, словно бы отделавшись от служебной обя-занности по временам «играть в строгое начальство», унтер-офицеры мгновенно делались простыми, дале-

ко не страшными людьми и по-товарищески лясничали с теми же матросами, у которых обещали «искровянить хайлы», о посещении петербургского важного генерала и – главная загвоздка в том-то и есть! – о «щуплой и пужливой» дочке, боявшейся даже и духа матросской ругни. «Вроде как помрет, братцы!» – вышучивали рассказчики графиню. Представлялась она им именно такой «щуплой и пужливой», как вообразил себе боцман Кряква.

Старый боцман никому не внушал.

«Сама, мол, матрозня в чувстве!»

После спуска флага адмирал хоть и был красен, но далеко еще не «намарсалился». Он попросил к себе офицеров и объяснил им, почему просит их воздержаться...

– Дама-с будет с ним... Дочь его! – прибавил адмирал.

Нечего и говорить, что офицеры обещали...

А молодой лейтенант Адрианов интересовавшийся литературой и вдобавок влюбчивый, как воробей, не без торжественности проговорил, краснея, как маковый цвет:

– Одно присутствие женщины, Максим Иваныч, женщины... которая влияет... благотворно... и... и... и...

У лейтенанта «заело». И адмирал поспешил на по-

мощь к растерявшемуся лейтенанту.

– И прехорошенькая-с, Аркадий Сергеич... Да-с! И сложена... и... Одним словом – есть на что посмотреть... И... шельмоватая-с... Любит, что показать-с, – сказал, смеясь, адмирал.

## V

Высокий и прямой старик в военном сюртуке с генерал-адъютантскими эполетами и эффектно одетая молодая блестящая женщина ровно в одиннадцать часов вступили на палубу «Султан Махмуда».

Адмирал, капитан и вахтенный офицер приняли почетных гостей у входа. Встреча была парадная, как полагалось по уставу. Музыка играла марш. Команда выстроена была во фронте. На шканцах стоял караул, и офицеры, в сюртуках и в кортиках, вытянулись в линию. Во главе стоял красивый старший офицер.

Его светлость, не отнимая руки в белой замшевой перчатке, отдавал честь и подошел с дочерью к офицерам. Адмирал представил их гостям. Князь протянул старшему офицеру руку. Пожимая руку Курчавого, графиня на секунду приостановилась, бросила на него быстрый любопытный взгляд и двинулась за отцом. Он всем подавал руку... То же делала и дочь. Штурманам и двум врачам его светлость руки не подал. Графиня любезно пожала им руки.

«Молодчага!» – подумал Максим Иваныч, видимо, не очень-то довольный «накрахмаленным» видом его светлости.

Затем князь поздоровался с матросами. Те так

ржавкнули, что князь едва заметно поморщился. Обойдя фронт по обеим сторонам, он вместе с молодой, высокою и цветущею графиней пошел по приглашению адмирала «заглянуть вниз, в палубу».

Между тем приказано было разойтись.

Матросы, видимо, были чем-то удивлены и сдержанно хихикали на баке.

– Вы что, черти, зубы скалите? – вполголоса спросил старший боцман одного матроса, подошедшего покурить.

По «политическим» соображениям старший офицер приказал Крякве не быть на палубе при осмотре, и боцман наскоро курил трубочку.

– Как же, Карпо Тимофеич. Щуплая – графиня-то?

– То-то и я полагал: сучонка. А как есть форменная сука. Должно, не пужливая! – тихо промолвил старый боцман и, сплюнув в кадку, усмехнулся.

После того как гости в сопровождении адмирала, капитана и старшего офицера обошли все палубы, заглянули в пустой лазарет и побывали в кают-компании, все вернулись наверх и поднялись на полуют.

– Я в восхищении от безукоризненной чистоты и порядка на корабле. И какой бравый вид у матросов! Какая идеальная тишина, любезный адмирал! Я вижу больше того, что ожидал, любезный адмирал! – говорил князь утонченно-любезно, протягивая слова и

чуть-чуть в нос. – Почту за долг лично доложить, когда возвращусь в Петербург, – прибавил князь с особенною аффектацией серьезной почтительности в тоне, словно бы желая осчастливить этого «маловоспитанного моряка», каким считал князь адмирала.

Адмирал не был особенно тронут комплиментами его светлости, ничего не смыслившего в морском деле и словно бы удивлявшегося, что на корабле Черноморского флота чистота и порядок. И это снисходительное высокомерие в дурацкой манере звать «любезным адмиралом», и желание облагодетельствовать своим докладом, и апломб... все это начинало раздражать самолюбивого адмирала.

«Брандахлыст ты и есть. „Почтешь за долг“! А воображаешь: умница», – подумал адмирал.

Зато «грек», получивший и на свою долю несколько любезных слов, таял и рассыпался в восторженно-льстивой благодарности.

Тем временем в нескольких шагах от отца графиня болтала со старшим офицером.

Это была брюнетка лет тридцати, эффектная и красивая, с надменно приподнятой головой, бойкая и самоуверенная, словно бы имеющая право сознать и неотразимость красоты лица, и привлекательность своих форм и роскошного сложения.

Казалось, она хорошо знала, чем именно привле-



кает мужчин, и словно бы нечаянно показывала Курчавому то руки, то ослепительную шею и, играя черными, слегка вызывающими и смеющимися глазами, говорила старшему офицеру:

– У вас очень мило... Мне понравилось... И какие вы, господа моряки, любезные...

И, бесцеремонно оглядывая красивого блондина значительным, и пристальным, и ласковым взглядом красивого и холеного животного, вдруг с дерзкой насмешливостью проговорила:

– А вы, кажется, имеете здесь репутацию опасного... Очень рада видеть местную знаменитость.

Курчавый, самолюбиво польщенный, вспыхнул и с напускною серьезностью сказал:

– Репутация, графиня, незаслуженная...

– Не совсем, я думаю... Приходите – поболтаем! – почти приказала она.

Курчавый, снимая фуражку и наклоняя голову, спросил:

– Когда позволите?..

– А сегодня, в семь часов...

Его светлость повел бесстрастные глаза на дочь.

«Новый каприз!» – подумал он и поморщился.

«Проблематическая» репутация единственной дочери, жены известного сановника, товарища князя по пажескому корпусу, давно уж была болячкой князя, и

уж он только смущался теперь забвением «апарансов»<sup>2</sup> красавицы графини.

Его светлость опять взглянул на дочь.

Но она не обратила внимания на значительный, предостерегающий взгляд отца, который – графиня хорошо знала – говорил: «Люди смотрят!»

– С чего прикажете начать, ваша светлость? – слегка аффектированным тоном младшего по должности и по чину спросил адмирал, прикладывая руку к козырьку своей белой фуражки, слегка сбившейся на затылок.

– Я в вашем полном распоряжении, любезный адмирал! – с подавляющей любезностью ответил князь и тоже немедленно приложил два длинные пальца руки в перчатке к большому козырьку фуражки, надвинутой, напротив, на лоб.

– Угодно вашей светлости сперва посмотреть артиллерийское учение, потом парусное?.. Или пожарную тревогу прикажете, ваша светлость? – настойчивее спрашивал адмирал, продолжая играть роль подчиненного.

– Так покажите мне, любезный адмирал, сперва ваших молодцов матросов-артиллеристов и затем лихих моряков в парусном учении... Больше я не злоупотреблю вашей любезностью, адмирал.

---

<sup>2</sup> Здесь: приличий (от фр. les apparences).

– Слушаю-с, ваша светлость.

Адмирал позвал к себе вахтенного офицера и приказал:

– Барабанщиков.

Старший офицер, слышавший разговор двух стариков, похожих в эту минуту на «ученых обезьян», извинился перед графией и бегом бросился к компасу, чтобы подменить вахтенного лейтенанта и командовать авралом.

И, слегка перегнувшись через поручни полюта, звучным, красивым и особенно радостным голосом крикнул бежавшим по палубе двум барабанщикам:

– Артиллерийскую тревогу!

Барабанщики с разбега остановились и забили тревожный призыв.

– К орудиям! – рявкнул с бака Кряква.

В мгновение раздался топот сотни ног по трапам и по палубе. Ни одного окрика унтер-офицеров.

Через минуту на корабле царила мертвая тишина. У орудий на палубе и внизу, в батареях, недвижно стояла орудийная прислуга.

## VI

– Где угодно, ваша светлость, посмотреть учение? Здесь или внизу?

– Пожалуй, здесь, адмирал.

Пробила дробь, и ученье началось.

Старый артиллерист, по обыкновению, волновался, но не закипал гневом и не ругался. Он, по счастью, не забывал, что на полюте его светлость и графиня, которая...

«Пронеси господи смотр!» – мысленно проговорил колченогий капитан морской артиллерии и наконец просиял. Он заметил, что и гости, и адмирал, и «коварный грек», и старший офицер, видимо, были довольны.

Еще бы!

Матросы откатывали орудия в открытые порты и подкатывали назад для примерного заряжания, словно игрушки, и делали свое дело без суеты, быстро и молча.

– Превосходно... Ве-ли-ко-леп-но! – говорил его светлость, любуясь ученьем и обращаясь к адмиралу, точно лично он – виновник торжества.

– Привыкли матросы, ваша светлость!.. И в море боевыми снарядами недурно палят! – отвечал адми-

рал без особой почтительной радости и словно несколько не удивлялся лихости матросов.

Но в душе радостно удивлялся, что старый артиллерист из вахтеров не произнес ни одного бранного слова.

– Удивляет меня наш Кузьма Ильич! Хоть бы свою любимую «цинготную девку» сказал! – тихо и весело проговорил адмирал, подходя к старшему офицеру.

– Еще как окончится учение, Максим Иваныч!.. Зарежет!.. Особенно перед графиней! – взволнованно отвечал старший офицер, не спуская глаз с артиллериста, точно хотел внушить ему не прорваться.

– А эта дамочка-с, видно, все свои онеры вам показала, Николай Васильич? – с улыбкой бросил адмирал и вернулся к его светлости и графине, от которых не отходил капитан и восторженно улыбался.

Скоро его светлость просил дать отбой, и матросы были отпущены от орудий.

– Ну-ка, теперь покажем гостям, как мы ставим и убираем паруса, Николай Васильич? – уже сам возбужденный при мысли о быстроте парусных маневров, весело сказал адмирал старшему офицеру.

И, обратившись к его светлости, промолвил:

– Не угодно ли, графиня и ваша светлость, поближе подойти.

Князь и графиня подошли к поручням.

Старший офицер, лихой моряк и знаток парусного дела, возбужденный, с загоревшимися глазами, забывший в эту минуту решительно все, кроме парусов, и казалось, еще красивее, со своим вызывающим видом лица и всей его посадки его стройной фигуры, как-то особенно звучно и весело крикнул:

– Свистать всех наверх! Паруса ставить!

Боцмана засвистали. Все матросы были на палубе, и марсовые бросились к мачтам.

– К вантам! По марсам и салингам! – крикнул старший офицер.

Сигнальщик уже перевернул минутную склянку.

Матросы взбежали по веревочной высокой лестнице духом.

Адмирал отошел от гостей и, подняв голову, впился глазами на мачты. Казалось, теперь он весь жил постановкой парусов.

– По реям!

Матросы разлетелись по реям как бешеные, словно бы по ровному полю.

Еще минута – и весь корабль, точно волшебством, весь оделся парусами.

И адмирал, и старший офицер, и боцман Кряква только довольно улыбнулись. Нечего и говорить, что князь дивился быстроте маневра.

– Одна минута, вашескобродие, – доложил сиг-

нальщик старшему офицеру.

– Прелестно... Весь маневр в одну минуту... Это волшебство! – проговорил князь.

Адмирал не опускал головы с верху и зорко поглядывал на паруса, все ли до места дотянуто. Не спускал глаз и Курчавый и не заметил, что графиня бросала по временам на него восхищенные взгляды, словно бы на первого тенора на сцене.

Адмирал слышал слова князя и не подумал ответить.

«Точно могли на „Султан Махмуде“ ставить паруса более минуты! Точно матросы не работают как черти!» – подумал адмирал, и, конечно, в голову его и не пришло мысли о том, какими жестокими средствами дрессировали матросов, чтобы сделать их «чертями».

Вместо адмирала «грек», весь сияющий, благодарил его светлость за то, что быстрота так понравилась князю и графине, и точно он, капитан, виновник такого торжества.

Через несколько минут раздалась команда старшего офицера «крепить» паруса.

Снова побежали наверх марсовые и стали убирать марселя и брамсели. Внизу в то же время брались на гитовы нижние паруса.

По-прежнему царила тишина на корабле, и адми-

рал и старший офицер были в восторге. Уборка парусов шла отлично, и ни одного боцманского словца не долетало до полуюта.

Но вдруг – на фор-марсе заминка. Угол марселя не подбирается.

Курчавый в ужасе взглянул на фор-марсель. Адмирал нетерпеливо крякнул.

В эту минуту маленький молодой матросик, стоявший внизу у снасти, смущенно и быстро ее раздергивал. Она «заела» и не шла.

И, вероятно, чтобы понудить веревку, матросик чуть слышно умилоствлял веревку, говоря ей:

– Иди, миленькая! Иди, упряменькая!

Но так как «миленькая» не шла, то матрос рассердился и, бешено тряся веревку, тихо приговаривал:

– Иди, подлая. Иди, такая-сякая... Чтоб тебе, такой-сякой.

Унтер-офицер услышал непотребное слово и, негодующий, чуть слышно проговорил матросу:

– Ты что ж это, Жученко, такой-сякой, ругаешься? Что я тебе приказывал, растакой с... с...

Боцман подскочил к снасти, раздернул ее и сдержанно сердито воркнул:

– Чего копались тут, такие-сякие, словно клопы в кипятке? Матрос, а насекомая, такая-сякая!

Мачтовый офицер в благородном негодовании вос-



кликнул:

– Не ругаться, такие-сякие!

Среди тишины до полуюта долетели и «морские термины». Князь весь съежился. Графиня улыбнулась и отвернула лицо. словно бы смертельно оскорбленный, что вышла заминка, как сумасшедший бросился старший офицер вниз, и, не добегая до бака, он крикнул:

– Отчего не раздернули?

– Раздернули! – крикнул Кряква.

– Раздернули?! А еще обещали... Постараемся!

И с уст старшего офицера как-то незаметно сорвалось «крылатое» словечко, и он полетел назад.

«Грек» замер от страха. «Все пропало! Его светлость?! Что он доложит в Петербурге?» – пронеслось в голове капитана.

И он уже был на баке и, по обыкновению мягко, проговорил:

– Перепорю вас, такие-сякие!..

Князь совсем сморщился... Графиня сдерживала смех.

Максим Иваныч, услышавши всю эту брань, вспылil. Он побежал сам на бак. Но до бака не дошел и, увидавши ненавистного ему «грека», прошептал:

– Разодолжили-с... Нечего сказать... При даме-с!..

И позабывший, что дама в нескольких шагах, адми-

рал прибавил от себя более внушительные слова.

Только что взбежавши назад на полуют, адмирал вспомнил, что сказал, и, смущенный, чуть слышно спросил старшего офицера:

– Слышно было?

– Слышно, Максим Иваныч! – угрюмо проговорил старший офицер и продолжал командовать.

Закрепили паруса отлично. Никто из гостей и не заметил заминки на несколько секунд, которая «зарезала» моряков.

Марсовых спустили с марсов.

– Я в восторге, адмирал, – проговорил с утонченной любезностью князь. – Парусное ученье великолепно. Благодарю за доставленное наслаждение, любезный адмирал.

Адмирал смущенно поклонился.

– Прикажете продолжать учение, ваша светлость?

– К сожалению, не могу... Обещал посмотреть сегодня пятнадцатую армейскую дивизию.

– Быть может, изволите позавтракать, ваша светлость?

Но князь извинялся, что нет времени, и скоро, любезно простившись со всеми, направился к трапу...

– Так вечером приходите! – промолвила, весело смеясь, графиня, протягивая руку Курчавому.

Проводивши гостей, адмирал вошел в свою каюту

и, взглянув на парадно накрытый стол и на вестового в полном параде, воскликнул:

– Ну и черт с ним, если не захотел завтракать...

И, обращаясь к вестовому, крикнул:

– Старый сюртук и зови всех офицеров к столу, Суслик! Да башмаки свои можешь снять!